

Жительница нашего города **Анастасия Алексеевна Коровина** поделилась воспоминаниями о последнем годе войны и послевоенном времени, когда она с семьей жила в Антропшино.

В самом конце 1944 года Настя переехала жить к отцу в деревню Антропшино. Ее отец Алексей Васильевич Лаугин бежал из родной псковской деревни Патрово и после долгих скитаний по стране осел в наших местах. Прошёл

войну, вернулся раненый. Навещали родные его и до войны, а вот теперь решили жить все вместе здесь, в Антропшино. Брат Насти ещё оставался в деревне Патрово, «на хозяйстве». Позже и он переедет. Вернётся не с пустыми руками, привезёт с собой корову. И станет та корова основным кормильцем семьи в то голодное время.

Работа на почте.

«Людей почти не было, фабрика разрушена, даже деревья были вырублены. Только к 1946-му году стали возвращаться из прибалтийской неволи выжившие жители. Работы не было. На бирже предложили только два места. Торфоразработки или работа на почте. Папа решил, что буду работать на почте», — вспоминает Анастасия Алексеевна. Рассказывает моя собеседница и о том, как было стыдно ей, молодой девчонке, идти работать на почту. Согласилась поработать только до конца войны. Да привыкла быстро. И люди полюбили молоденького почтальона, ждали. И самой понравилась работа с людьми. А пройти за день надо было не мало, в один конец три километра. Получать почту и сдавать деньги ходили на станцию, к поезду, где был почтовый вагон. «Когда стала уже заместителем начальника и работала на одном месте, частенько просила начальницу разрешить мне после работы разнести почту людям. А уже темно, фонарей то не было. Пойду за линию, в Ремиз, то в грязь влезу, то в лужу по колению. Начальница смеялась, но разрешала», — и снова на лице Анастасии Алексеевны заиграла добрая улыбка.

«Тысяча голов»

Голодно было в 1946 году, люди очень страдали.

«Тысяча голов», так называли люди тюльку, которую покупали бидончиками. Утром тюлька с картошкой, и вечером картошка с тюлькой. Семье Анастасии повезло чуть больше. Даже с подружкой близкой Настя делилась едой. Спасала корова, да и поросёнка завели. «Где-то в году 1947 открыли коммерческий магазин. У кого были деньги, могли и купить продукты. А так всё было по карточкам. Хлеба 500 гр на рабочего, 450 гр на иждивенца. Конфеты давали шоколадные, 250 гр. Вместо мяса, бывало, и порошок яичный давали», — вспоминает Анастасия Алексеевна. Директор фабрики Куралёв Брат Анастасии Алексеевны Иван женился на дочери директора бумажной фабрики

«Комсомолец» Куралёва Михаила Васильевича. «При Куралёве новые дома строились быстро. Вот и на месте нашего дома стояли бараки. Пришла очередь получать квартиру и новой семье.

Ждали двухкомнатную, а въехали в однокомнатную. Не захотел директор молвы о том, что, мол, для своих старается. Честен был, можно так сказать, для всего общества. Справедливый был, за людей горой стоял. Я уже работала в гофроцехе, там зарплата была больше. На почте я получала 380 руб., а в цеху уже 1000. Надо было помогать брату дом строить на Первомайской улице. Работа была очень тяжёлая. Мужики долго не задерживались. Ночная смена была, если память не подводит, с 11 вечера и до 5 часов утра. Вот и приходил частенько директор часам к 5 в цех. В валенках, полушубке шёл он по цеху, а рабочие останавливают его, с проблемами своими обращаются. Всех выслушает и обязательно поможет. Уважали очень люди Михаила Васильевича. Простой был человек, душевный», — Анастасия Алексеевна снова улыбнулась и продолжила рассказ о человеке, чьим именем названа одна из улиц города. Единственная улица, носящая имя жителя города. Слушал Анастасию Алексеевну и думал о том, как же мало мы знаем о людях когда-то живших на нашей земле. «Сидим, бывало у печки, парового то отопления не было, запекаем картошку в углях, про жизнь беседуем. Любил он пиво с картошкой печёной», — Анастасия Алексеевна помолчала, о чём-то задумавшись. Мы ещё долго беседовали с уважаемой Анастасией Алексеевной, а при расставании она показала мне фото семьи Михаила Васильевича Куралёва. Возможно, кто-то из читателей поделится своими воспоминаниями о человеке, имя которого носит улица нашего города. Беседовал Сергей Богданов Напротив их дома, через дорогу было подсобное хозяйство фабрики «Бебеля». В большом сарае откармливали свиней. Кормили животных отходами от помола муки, привозили с мельницы. Иногда и им доставался мешок этой пыльцы, это был «припёк» к магазинной муке. От коровы не всё попадало на стол, продавали молоко, чтоб «была копейка в доме». Одеваться надо было, да и дом ремонтировать. «Где-то года с 1950 стало жить веселее, каждый год то одна прибавка, то другая. Да и молодость брала своё, надеждой на жизнь счастливую жили», — рассказывает Анастасия Алексеевна. Жизнь в оккупации Вернулась моя собеседница и к воспоминаниям о жизни «под немцем». Надо было жить дальше. Кормить и одевать детей. «Не сказать, что сильно голодали мы в оккупации. Корову немцы разрешали держать, огород сажали. Мамин брат заведовал столовой для беженцев, много их у нас было. Привёз как-то 12 пудов семени льняного, давили для беженцев в столовую масло. А вот одёжки и не было, а ведь мне уже 16 годков исполнилось. Молодёжь и тогда на гулянки ходила. Отец у подружки был портной, да только шить было не из чего. Нашли выход, снимали с убитых немцев шинели, перекрашивали. Сукно у них на шинелях было тонкое, мягкое. Вот и сшили мне из этого сукна жакет. Из кальсон солдатских мама сшила мне кофточку, из какого-то одеяла юбку. Вот так и одели меня», — смеётся Анастасия Алексеевна. Жизнь на коммунаровской земле потихоньку налаживалась.

3№ 39 (834)18 октября 2018

